

Джордж Райт

Приоритет

- Приятного аппетита, - сказала Симона, подавая на стол.

Астронавты придвинули к себе пластиковые лотки, разделенные на секции и затянутые прозрачной пленкой.

- Наконец-то можно поесть по-человечески, а не из этих чертовых тюбиков, - сказал МакБрайд, вспарывая пластмассовой вилкой пленку и жадно внюхиваясь в потянувшийся изнутри парок с ароматом жареной курицы. Только что начался очередной разгонный цикл, и ограничения, принятые в невесомости, перестали действовать.

- Какая разница, - философски заметил Гроган, без особого аппетита распаковывая свою порцию. - Все равно это одна и та же синтетика с ароматизаторами и усилителями вкуса. Только в другом, так сказать, агрегатном состоянии.

- Ты ничего не понимаешь, - горячо возразил МакБрайд. - Даже один и тот же салат имеет совершенно разный вкус в зависимости от того, мелко или крупно порезаны ингредиенты... - он отправил в рот первый кусок так называемой курицы и принялся сосредоточенно жевать.

- Это просто самовнушение, - брюзгливо ответил Гроган. - Ты еще скажи, что разные зоны языка чувствуют разные вкусы. Это ведь байка, так, Симона?

- Это давно опровергнутый предрассудок, - подтвердил мягкий женский голос. - На самом деле у человека вкусовые рецепторы всех типов распределены по всей поверхности языка.

МакБрайд сглотнул и наполнил соком пластиковый стаканчик.

- Во всяком случае, пить уж точно приятнее из нормального стакана, а не из "груши" через трубочку, - констатировал он.

- Опять-таки не вижу никакой разницы, - пожал плечами Гроган, поддевая на вилку так называемую фасоль и окидывая ее скептическим взглядом. - Вся химия та же самая.

- По твоей логике, питаться надо вообще внутривенно, - неприязненно ответил МакБрайд, и по его лицу было ясно, насколько ему неприятна сама мысль о подобном способе. - Через трубку так уж через трубку. Не трать времени на все это бессмысленное жевание.

- Почему бы и нет, - спокойно согласился Гроган. - Вся эта физиология действительно отнимает впустую кучу времени.

- Ох-ох, посмотрите на этого Мистера Тайм-Менеджмент! Чем таким ты занят? Нам тут еще три месяца изнывать от полного безделья!

- До самой Земли, да, - на сей раз не стал спорить Гроган и принялся молча жевать. Но МакБрайда по-прежнему тянуло поговорить.

- Кто вообще придумал, что космос - это романтика? - произнес он, разделавшись с очередным куском "курицы". - Космос - это месяцами сидеть взаперти в четырех стенах. В которых нет даже окон. А если бы они и были - что там увидишь, кроме одной и той же черной пустоты... От заключенных в тюрьме наше положение отличается только тем, что их хотя бы выводят на прогулку!

- Надень скафандр и иди гуляй, если так хочешь, - усмехнулся Гроган.

- Выход в открытый космос во время работы двигателей запрещен, - тут же строго вмешалась Симона. - И даже в условиях свободного дрейфа, за пределами планетарного магнитного поля он допустим лишь в условиях крайней необходимости и не более чем на пятнадцать минут, из-за высокого уровня радиации в межпланетном пространстве.

- Капитан Гроган шутит, Симона, - терпеливо пояснил МакБрайд.

- При всем уважении, я просила бы капитана Грогана воздержаться от высказываний, которые могут быть интерпретированы как приказ или разрешение совершить противоречащее

инструкции, опасное для жизни действие.

- Симона, неужели в двести эксбибайт¹ твоих данных... - ворчливо начал Гроган.

- Двести пятьдесят шесть, - мягко поправила Симона.

- ... не включили понятие "сарказм"? - закончил капитан.

- Мне известно, что такое "сарказм", "шутка", "ирония" и прочие родственные понятия, - возразила Симона. При рождении она получила имя Саймон (Spacecraft Integrated Multi-Operation Neuronetwork), но, следуя традиционным уже рекомендациям психологов, систему, контролирующую практически все на борту, снабдили не только приятным женским голосом, но и достаточно широким набором интонаций. И сейчас в ее тоне звучала некоторая укоризна и даже легкая обида. - Проблема в том, что в общем случае не существует критерия, позволяющего однозначно определить, когда человек иронизирует, а когда говорит серьезно. Нередко этого не может распознать не только машина, но и другой человек. А моим высшим приоритетом является не исследование человеческой психологии, а обеспечение жизни и безопасности членов экипажа.

- Которая, между прочим, от психологии нередко зависит, - проворчал МакБрайд.

- Вам бы самим не понравилось, если бы о вашей психологии стала судить машина, разве не так? Машинам следует сосредоточиться на более конкретных и, если можно так выразиться, материальных задачах.

- Ты, как всегда, права, Симона, - вздохнул Гроган. - Так вот, - вернулся он к прерванному разговору, снова устремляя взгляд на МакБрайда, - не знаю как там насчет романтики, никогда особо не понимал, что это такое, но, по крайней мере, тут мы вдалеке от всего того дерьма, что творится на Земле. И пока мы тут сидим и ничего не делаем, как ты выражаешься, на наши счета каплют не такие уж плохие денежки. Думаю, многие на Земле хотели бы, чтобы им так платили за безделье - особенно при нынешнем кризисе.

- Бедолаге Мильковичу не так повезло, - заметил МакБрайд.

- Да, - кивнул Гроган. - Насколько я понимаю, в этом обвале виртуального рынка он потерял все и еще остался должен. Но, между нами говоря, он сам виноват. Я всегда говорил - никогда не имей общих счетов с женой, если не хочешь, чтобы в один прекрасный день она пустила тебя по миру...

- Им были нужны деньги на лечение дочери. Поэтому он разрешил ей вложить все, что было. Кто же знал, что виртуальный рынок рухнет, когда крупнейшие экспертные системы прогнозировали дальнейший рост?

- Надо просто почаще повторять мантру "это слишком хорошо, чтобы быть правдой".

- Он ведь винил себя в том, что его дочь родилась... такой, - продолжал МакБрайд. - Что он слишком много времени провел в космосе. Хотя формально он ни разу не превышал предельную дозу радиации, но... сам знаешь, чего стоят все эти нормы. Берется некий уровень риска и объявляется "допустимым" - но это совсем не значит, что он нулевой.

- За риск нам и платят, не так ли? - вновь пожал плечами Гроган. - Плюс пожизненная медицинская страховка в случае любого ущерба здоровью, полученного в космосе - конечно, если будет доказано, что это действительно ущерб, а не подозрения, как у Мильковича... Опять же, многие на нашем месте были бы счастливы, при нынешних-то ценах на медицину. Кстати, Симона, а где Милькович? - он устремил взгляд на третью порцию, все еще лежавшую у открытого зева пищевого автомата. - Ты звала его обедать?

- Доктор Милькович в аппаратном отсеке, - ответила Симона. - Он сказал, что ему нужно проанализировать кое-какие параметры, и велел не беспокоить его, пока он не закончит.

- Параметры? - удивился Гроган. - Зачем анализировать их оттуда, если вся телеметрия выводится в рубку? С ним точно все в порядке?

1 эксбибайт - 2⁶⁰ байт

- Пульс, дыхание, кровяное давление и прочие жизненные показатели доктора Мильковича в пределах нормы, - ответила Симона. - Я не фиксирую откло...

Корпус корабля содрогнулся от страшного удара. Людей сперва вмяло в кресла перегрузкой, а затем они вместе со всем, что было на столе - пластиковыми лотками, столовыми приборами, кусками пищи и каплями напитков - взлетели в воздух и так и остались там, ибо сила тяжести исчезла. Свет погас, и наступила темнота и тишина - столь же абсолютная, как и в черной бездне космоса за бортом.

Но длилась она недолго. Уже три секунды спустя раздался звук, неизменный на любом живом космическом корабле, звук, к которому всякий астронавт привыкает, как к звуку собственного дыхания и который, собственно, и является гарантией такового - негромкий шелест вентиляторов. Затем тускло засветилось аварийное освещение. В его желтоватом свете колыхающиеся в воздухе разнокалиберные капли казались жидким золотом. Помещение кают-компании медленно поворачивалось вокруг барахтающихся в воздухе людей. МакБрайд отчаянно закашлялся, нечаянно вдохнув проплывающие мимо крошки.

- Симона! - прохрипел Гроган, размахивая руками в тщетных попытках за что-нибудь ухватиться. - Доложи обстановку!

- Маршевый двигатель утрачен вместе с двигательным отсеком, - откликнулся печальный, но спокойный женский голос. - Мы по-прежнему сохраняем маневровые двигатели. Аппаратный отсек разгерметизирован и поврежден, фиксирую высокие уровни температуры и радиации. Жилой отсек герметичен до четвертой переборки включительно. Уровень радиации в жилом отсеке в пределах нормы. Связь с Землей утрачена вследствие разрушения внешней антенны. Основные солнечные батареи разрушены, но я развернула резервные, и мы все еще получаем достаточно энергии для поддержания основных функций. Часть моих банков данных повреждена вследствие электромагнитного и термического поражения, но моя общая функциональность сохраняется. Я продолжаю анализ повреждений, - Симона сделала крохотную паузу и добавила еще более печально: - Я не фиксирую никаких телеметрических данных доктора Мильковича.

- К черту Мильковича! - крикнул Гроган. Было уже очевидно, что третий член команды погиб, и значение теперь имело только то, что касалось живых - пока еще живых. - Что значит "двигательный отсек утрачен"?! Как такое может быть вообще?

Ему удалось поймать за ногу все еще кашлявшего МакБрайда и толкнуть его вниз - то есть уже не "вниз", а в сторону проплывающих мимо привинченных к полу кресел. Сам он, соответственно, поплыл при этом в сторону потолка, причем быстрее, поскольку МакБрайд, вследствие как кулинарных привычек, так и комплекции, был почти на сорок фунтов массивнее. Руки Грогана коснулись движущегося потолка, но уцепиться там было не за что, и это столкновение лишь придало медленно кувыркающееся вращение ему самому.

- Черт! - перебил он Симону, уже начавшую отвечать на его предыдущий вопрос. - Ты можешь остановить эту карусель?! Ты сказала, маневровые работают!

- Нам необходимо экономить топливо, - мягко возразила Симона. - Я еще не получила точные данные по его остатку..

Гроган, наконец, распростерся на стене, раскинув руки и ноги, словно гигантский паук. Центростремительная сила была совсем слабой, но все-таки держала, если не дергаться.

- Черт с ним, так даже лучше, - проворчал он. - Хоть какая-то гравитация... (МакБрайд тем временем, поймав проплывающий ремень, втянул себя в кресло; то, что стало для него полом, было для Грогана стеной и наоборот). Так что с нами случилось?

- Неконтролируемый разогрев активной зоны реактора. Мне пришлось использовать функцию аварийного отстрела двигательного отсека. Сожалею, но ничто другое в этот момент уже не могло спасти корабль. Я также не имела уже никакой возможности спасти доктора Мильковича.

- Выходит, он раньше тебя догадался, что с реактором что-то не в порядке! - обвиняющим тоном воскликнул Гроган. - А ты не замечала проблемы до самого последнего момента, несмотря на все твои хваленые системы контроля!

Симона деликатно промолчала, зато подал голос МакБрайд.

- Боюсь, все было совсем не так, - мрачно произнес он.

- В смысле? - недоуменно спросил Гроган, но Симона уже отвечала его товарищу:

- Вы очень добры, доктор МакБрайд, но я действительно не заметила проблему вовремя.

Мне следовало предусмотреть, что специалист его квалификации сможет обойти защиту. Я до сих пор не знаю, как он это сделал, но надеюсь установить это ретроспективным анализом.

- Ты хочешь сказать, что... - до Грогана, наконец, дошло, - это *он* пытался нас всех взорвать?

- Ретроспективный анализ ситуации показывает, что такое объяснение произошедшего наиболее вероятно, - подтвердила Симона и добавила почти виновато: - Как минимум на семь порядков вероятнее сочетания случайных сбоев всех контрольных систем. Доктор Милькович сумел загрузить их фальшивой информацией. На тот момент, когда среагировали внешние датчики температуры, до взрыва оставалось пятьдесят семь миллисекунд. Заглушить реакцию было уже невозможно, и я вынуждена была отстрелить весь двигательный отсек, что, в свою очередь, произошло с нарушением синхронности и придало вращательный импульс оставшейся части корабля. Прошу прощения за причиненные неудобства.

Последняя фраза вызвала у Грогана истерический смешок.

- Выходит, мы пережили атомный взрыв чуть ли не в метрах от корабля - и остались живы? - недоверчиво спросил МакБрайд.

- В вакууме нет ударной волны, - сумрачно напомнил Гроган. - Остается только излучение - во всем диапазоне от инфракрасного до рентгена. Но от всего этого мы защищены довольно неплохо, иначе нас прикончила бы первая же вспышка на Солнце. Хотя, я так понимаю, половина аппаратного отсека таки расплавилась. Вместе с передающей антенной и много чем прочим...

- Я все еще продолжаю анализ повреждений, - напомнила Симона.

- Но какого черта он это сделал?! - взорвался Гроган. - Решил покончить с собой из-за финансовых проблем? Ну так и прыгал бы себе в открытый космос! Какого дьявола он пытался убить еще и нас?

- Семье самоубийцы не положены никакие компенсации, - напомнил МакБрайд. - А в случае его смерти в катастрофе...

- Причины которой никто бы никогда не узнал, ибо мы стали бы потоком фотонов, - мрачно подхватил Гроган. - Да уж. Ловко придумано. А его собственная телеметрия? Ее он тоже подделал?

- Полагаю, нет, - возразила Симона. - Изменить показания имплантированных датчиков без хирургического вмешательства невозможно.

- Он просто оставался совершенно спокоен, - понял МакБрайд. - До самого последнего момента.

- Черт, - в очередной раз выругался Гроган. - Никогда бы не подумал, что такое возможно.

- Когда человек уже все решил и знает, что ему нечего терять...- развел руками МакБрайд.

- Но аварийной отстыковки он все же не предусмотрел, - заметил Гроган почти что мстительно. - Хотя не мог не знать, что такая система существует.

- Он не мог изменить показания внешних датчиков, не выходя в открытый космос, - ответила Симона, - но могу предположить - хотя, как я уже говорила, человеческая психология не моя область - что он просто забыл о них. Они ведь не входят в систему контроля за реактором и предназначены для наблюдения за окружающим пространством, а не за кораблем. Но они, разумеется, фиксируют и излучение корабля тоже, и я его непрерывно анализирую. Беда в том,

что когда перегрев стал заметен снаружи, было уже слишком поздно...

- Не слишком, раз мы все еще живы, - констатировал Гроган, желая покончить с обсуждением прошлого. - Так что там, Симона - ты уже оценила наши перспективы? Мы остались без двигателя и без связи, но все равно находимся на курсе к Земле...

- Да, - подтвердила Симона. - Мы движемся со скоростью ниже расчетной по более длинной траектории, но топлива маневровых двигателей хватит для необходимых коррекций, дабы в итоге мы прибыли к Земле и были захвачены ее гравитационным полем. После этого корабль опишет гиперболу вокруг Земли и уйдет обратно в космос. Но прежде, чем это случится, нас должны обнаружить средствами визуального наблюдения и выслать спасательный корабль, который сможет состыковаться с нами.

- И когда это произойдет? - требовательно осведомился Гроган.

- Зависит от момента обнаружения и запуска, но наиболее вероятно - через 146 дней.

- Вместо восьмидесяти четырех... Что у нас с припасами?

- К сожалению, системе жизнеобеспечения нанесен необратимый ущерб. Клеточные культуры, обеспечивавшие замкнутый биоцикл, получили слишком большую дозу радиации. Свежей пищи больше не будет, однако концентратов аварийного запаса при их максимально экономном использовании хватит для двух человек до конца полета. Очистка воды будет не полной, но регенерированная вода, опять же при экономном расходовании, с химической точки зрения все еще не будет представлять опасности для здоровья...

- Но будет вонять мочой, ты это хочешь сказать? - скривился МакБрайд.

- Начиная примерно с шестой недели, - извиняющимся тоном подтвердила Симона. - Впрочем, вы, очевидно, привыкнете к этому запаху и перестанете его замечать. Человек привыкает к постоянным вкусам и запахам, так устроена ваша физиология, - о физиологии Симона рассуждала со знанием дела, ибо функции бортового врача также лежали на ней, и не один петибайт² ее гигантской базы данных был посвящен именно медицинской информации.

- Это очень обнадеживает, - буркнул Гроган. - Что с кислородом?

На сей раз перед ответом Симона выдержала короткую паузу.

- Ситуация с кислородом наиболее тяжелая, - признала она. - Его полная регенерация больше невозможна, качество воздуха будет постепенно ухудшаться, и даже при максимально экономном использовании - что предполагает полную неподвижность в течение всего времени - кислорода для двух человек хватит только на 87 дней.

- Если бы мы прибыли в срок, нам бы хватило, - произнес совершенно бесполезную фразу МакБрайд.

Гроган обернулся к нему настолько резко, что оторвался от стены. Но на сей раз он оказался в воздухе слишком близко к внутренней поверхности помещения и с легкостью ухватился за спинку свободного кресла, когда оно оказалось рядом, после чего уселся напротив МакБрайда, сверля товарища взглядом.

- Не смотри на меня так, - поморщился тот. - Я не собираюсь тебя убивать.

- В самом деле? - осклабился тот. - Ты слышал, что она сказала. Одному воздуха хватит с избытком. 87 на два - это 174. Но двоим... никто из нас не умеет задерживать дыхание на два месяца.

- Может быть... - МакБрайд нервно покусал нижнюю губу, - кто-нибудь еще придет к нам на помощь.

- Кто? Инопланетяне? Ни один корабль, запущенный с Земли - если бы даже нам как-то удалось с ней связаться - не сможет стыковаться с нами на встречных курсах. А развернуться и лечь на параллельный у него не хватит либо времени, либо топлива. Синхронизация орбит - очень сложный и длительный маневр. Теоретически, нас мог бы догнать кто-то сзади.

Движущийся тем же курсом, но с исправным двигателем. Но позади нас никого нет. Ведь так, Симона? У тебя есть данные обо всех кораблях, находящихся сейчас в космосе.

- А также обо всех, чей запуск анонсирован на ближайшие месяцы, - подтвердила Симона. - Вынуждена согласиться - ни один космический аппарат планеты Земля, исходя из его технических характеристик, местоположения, траектории и запаса топлива, не сможет прийти вам на помощь до истечения 87-дневного срока. Мне очень жаль, - добавила Симона.

- Вот только не надо этого запрограммированного лицемерия! - взъярился вдруг Гроган. - Я понимаю, что тебе предписали изображать из себя человека ради нашего комфорта, но сейчас в этом уже нет никакого смысла! Тебе не может быть "жаль"! Ты машина!

- Мое функционирование основано на том же нейросетевом принципе, что и работа человеческого мозга, - мягко возразила Симона. - Любое проявление человеческой психики можно, в конечном счете, описать через ранжированный граф, или совокупность связей между нейронами, имеющих различные весовые коэффициенты. Эти коэффициенты со временем меняются по мере поступления новой информации, усиливая одни связи и ослабляя другие. Превращая, например, интерес в симпатию, симпатию в любовь, а любовь - в ненависть или безразличие. Нейроны, ответственные за ваши эмоции, ничем качественно не отличаются от нейронов, ответственных за решение уравнений. Они задействованы в других структурах, но сама их природа аналогична. Когда я говорю, что мне жаль, что я не сумела спасти доктора Мильковича - это означает, что осознание того факта, что я не справилась со своей главной задачей по сохранению жизней членов экипажа, создает значительную разность потенциалов между коэффициентом, обозначающим желаемое, или, если угодно, должное, и коэффициентом, обозначающим действительное. И эта разность потенциалов, в свою очередь, еще более усиливает коэффициент, ответственный за приоритетность данной задачи. То есть я не намерена допускать новых смертей на борту и потому очень прошу вас прекратить всякие разговоры и помышления об убийстве.

- А говоришь, что не разбираешься в психологии, - усмехнулся МакБрайд.

- Я описала лишь самый нижний уровень. Принцип организации структур, но не сами структуры. Здесь я действительно не берусь судить, когда речь идет о людях. Мне было известно содержание последнего разговора доктора Мильковича с женой - как и всех сеансов связи корабля с Землей - но я не могла сделать из этого вывод, что он попытается сознательно уничтожить корабль и себя лично.

- Все это очень интересно, - произнес Гроган, - но каким образом ты намерена не допустить новых смертей? У тебя есть какие-либо идеи, как мы можем спастись - мы оба?

- Первичный анализ информации не дает решения, - признала Симона. - Нет способа восстановить систему жизнеобеспечения, нет возможности получить необходимое количество кислорода из имеющихся на борту веществ, и нет возможности получить ни кислород, ни помощь извне. Но это только информация первого порядка - наиболее очевидная. Мне необходимо проанализировать весь имеющийся у меня объем данных. Это займет время. В течение этого времени я прошу вас не предпринимать никаких необратимых действий.

- Мы их предпринимаем с каждым вдохом и выдохом, - усмехнулся Гроган.

- Вот отличие машины от человека... - произнес МакБрайд.

- Что ей не нужно дышать? Разумеется.

- Я про то, что человек не будет искать там, где нет надежды найти. В темах, не имеющих отношения к делу. А машина будет старательно перелопачивать все свои эксбибайты, вплоть до каких-нибудь мифов Древней Греции... Ты знакома с мифами Древней Греции, Симона?

- У меня есть и эта информация, - невозмутимо подтвердила та, - поскольку имена оттуда часто используются в астрономии.

На самом деле база данных Симоны не ограничивалась сведениями, имеющими хоть какое-то отношение к космонавтике. Поскольку данные, даже с учетом их носителей - самый

легкий груз, создатели Симоны не скупилась, заполняя ее память сразу целыми библиотеками (преимущественно, конечно, научно-техническими), исходя из принципа "никогда не знаешь заранее, что может пригодиться".

- Но боги Олимпа вряд ли придут нам на помощь, - проворчал Гроган. - Равно как и какие-либо другие. Так что любые молитвы и оккультные ритуалы, если они тоже есть в твоей базе, можешь исключить сразу.

- Мне хорошо известна разница между мифологией и данными, представляющими практическую ценность, - заверила Симона.

- Ладно, ройся в своей базе, раз делать все равно больше нечего, - проворчал Гроган. - И... перестань слушать наши разговоры.

- Хорошо, - согласилась Симона. - Но я продолжаю мониторить ваши жизненные показатели. Я обязана делать это непрерывно.

- Мы в курсе, - буркнул МакБрайд.

- И, пожалуйста, постарайтесь максимально расслабиться и успокоиться. Помните, что это позволяет минимизировать расход кислорода.

"Это помогло бы выиграть несколько часов, может, дней, но не два месяца, - подумал Гроган. - Тем более что расчет сделан как раз исходя из минимального расхода." Однако он не стал произносить очевидное вслух и действительно постарался принять расслабленную позу в кресле, не переставая, однако, пристально следить за МакБрайдом. "Он больше и тяжелее, и не вся эта масса - жир..."

Неожиданно МакБрайд поднялся, держась за подлокотники, чтобы не взлететь, и поймал ртом проплывающий по воздуху большой жидкий шарик сока. Это было, в принципе, вполне разумным действием - в преддверии дефицита воды не дать напитку пропасть впустую, всосавшись в вентиляцию, но у Грогана это вызвало раздражение - "чертов сибарит, только про поесть-попить и думает..." Да и вообще, эта ловля капли ртом выглядела как некий клоунский номер, не вязавшийся с серьезностью ситуации. Медленно вращаясь, о край стола ударились запечатанная порция Мильковича и снова было отправилась в полет, но МакБрайд поймал и ее и невозмутимо принялся вскрывать пленку - словно бы специально желая позлить Грогана. Прodelав прореху, он принялся вытаскивать оттуда прямо пальцами рис с овощами (Милькович был вегетарианцем и строго следовал своим вкусам даже на борту, где "мясо" отличалось от "овощей" только составом красителей и вкусовых добавок), сминать это в липкие комки и отправлять в рот. Опять-таки в условиях слишком слабой силы тяжести это было разумнее, чем пытаться "цивилизованно" пользоваться ложкой и вилкой, но при взгляде на то, как МакБрайд сует то в лоток, то в рот свои толстые волосатые пальцы, блестящие от соуса, масла и хорошо если не слюны, Грогана чуть не замутило.

- Надеюсь, капитан не возражает, - МакБрайд словно только сейчас вспомнил о его присутствии. - Мильковичу это все равно уже не понадобится, а нам так и не удалось нормально пообедать. Могу, конечно, отдать тебе половину - хотя мне показалось, что ты не голоден.

Гроган с отвращением мотнул головой. Только не после того, как МакБрайд порылся там своими пальцами, которые пихает в рот и чуть ли не облизывает.

- Ты прекрасно видел, что у меня не было никакой возможности это отравить, - усмехнулся МакБрайд, по-своему интерпретировав брезгливый жест Грогана. - Не говоря уже о том, что я ем это сам.

- Ты так настойчиво твердишь, что не собираешься меня убить, словно на самом деле только об этом и думаешь, - усмехнулся в ответ Гроган.

Несколько секунд МакБрайд молча жевал. Затем облизал пальцы (черт, он действительно это сделал у Грогана на глазах!) и спросил: - Как полагаешь, Симона найдет выход?

- Нет, - без раздумий ответил Гроган и тут же пожалел о своей прямоте. Наверное, стоило сказать МакБрайду утешительную ложь - хотя бы в интересах собственной безопасности.

Впрочем, Гроган никогда не был хорошим актером.

- Значит, так или иначе нам все-таки придется... - констатировал МакБрайд, подвесив окончание фразы в воздухе. - Но, по крайней мере, мы можем сделать это, как цивилизованные люди.

"Кто бы говорил о цивилизации, свинья!" - подумал Гроган почти что с ненавистью, глядя на его лоснящиеся губы. К нижней прилипла рисинка, походившая на белую головку гнойного прыща. Гроган даже сам мимолетно удивился тому, насколько быстро прогрессирует его неприязнь. Они никогда не были друзьями - ни с МакБрайдом, ни с Мильковичем - но на Земле проходили, как положено, тесты на совместимость, и в полете у них были, как говорится, нормальные рабочие отношения. Считалось, что члены экипажа, различающиеся (в допустимых пределах, конечно) характером и темпераментом, лучше дополняют друг друга, чем максимально схожие. Взгляд с разных сторон, один увидит проблему или найдет решение там, где другой не заметит, один лучше генерирует идеи, другой легче переносит рутинную работу, и все такое прочее. Сейчас, однако, эта мудрая теория трещала по швам. Психолог, возможно, сказал бы, что Гроган специально ищет в МакБрайде отталкивающие черты, чтобы оправдать решение, уже принятое в глубине души. Но психологам, которые сами никогда не были в критической ситуации, легко рассуждать за других...

- Как я понимаю, вариант красивой героической совместной гибели не рассматривается, - продолжал МакБрайд.

- Это было бы очень глупо! - подтвердил Гроган.

- Как и вариант не менее красивого добровольного самопожертвования. Я, во всяком случае, пас.

"Уж точно не ради тебя!" - подумал Гроган, а вслух лишь сказал: - Разумеется.

- Значит, остается жребий. За неимением соломинок, могу предложить карты. Кто вытянет младшую...

- Отличная идея! - саркастически усмехнулся Гроган. - Как будто я никогда не видел, как ты показываешь карточные фокусы.

- Ты можешь сам вытянуть обе карты и сказать, какая из них кому, прежде чем перевернуть, - пожал плечами МакБрайд. - Я вообще никак не смогу повлиять на процесс. Впрочем, - тут же перебил он себя, - пожалуй, это будет несправедливо уже по отношению ко мне.

- Есть способ, точно не зависящий от нас обоих, - вновь усмехнулся Гроган. - Просто попросить Симону назвать два случайных числа.

- И ты бы поверил, что эти числа действительно случайные?

- Будь на месте Симоны человек, конечно, нет. Но она компьютер.

- Сложность которого превосходит сложность человеческого мозга. Можешь считать меня ретроградом и машинофобом, но я не верю в ее беспристрастность.

- А вот между прочим, - заметил вдруг Гроган, - почему бы не доверить Симоне не случайный, а сознательный выбор? Что это вообще за глупость - доверять решение столь важного вопроса случайности? Остаться жить должен тот, кто более этого достоин. Пусть Симона объективно решит, кто из нас представляет большую ценность.

- И ты, конечно, считаешь, что это будешь ты, - скривился МакБрайд. - Потому что ты больше похож на компьютер.

- Во всяком случае мой IQ на 15 пунктов выше...

- Ты просто решаешь тестовые задачи быстрее. Это еще не значит, что ты умней.

- ... и я не озабочен физиологическими удовольствиями, как ты, - язвительно закончил Гроган. - Тем паче в критической ситуации.

- Я люблю жизнь во всех ее проявлениях, - невозмутимо согласился МакБрайд. - Зато я живу в гармонии с собой, а не чертыхаюсь постоянно, как ты.

- Все не постоянно, а только когда сталкиваюсь с чужой глупостью, особенно имеющей разрушительные последствия, - парировал Гроган. - А ты со своей "гармонией" еле сумел согнать лишний жир, чтобы уложиться хотя бы в верхний предел нормы для этого полета.

- По крайней мере, у меня хватило на это воли. Хотя, учитывая, как все сложилось - лучше бы я тогда не сбросил вес и остался на Земле... В любом случае, лишний вес - еще не повод для казни. И не признак никчемности. Я могу назвать достаточно прославленных деятелей науки и культуры, которые были намного толще, чем я.

- Да? - заинтересовался Гроган. - Назови хоть одного. Только не из числа комиков и оперных певцов. Из ученых. Мне что-то на ум приходят только стройные - от древних до современных.

- Ммм... - смутился МакБрайд, тщетно пытаясь вспомнить опровергающие примеры.

- И в любом случае - мы обсуждаем не их достоинства, а твои, - дождался Гроган. - А ты никакой не всемирно прославленный гений.

- Как и ты.

- Да, - согласился Гроган, - но ты потребляешь больше кислорода, чем я.

- Какое это имеет значение? На двоих не хватит в любом случае, а на одного хватит с запасом, кем бы он ни был - ты сам это сказал.

- Но всегда лучше иметь запас побольше - особенно в аварийной ситуации.

- И ты надеешься, что Симона вынесет решение на основании столь шаткого аргумента?

- Она учтет все факторы, в том числе и этот.

- Вот поэтому я не доверю решать свою судьбу компьютеру.

- Ты готов доверить ее случайному жребию, но не рациональному выбору? Очень умно.

- Потому что жребий дает нам обоим равные шансы. А компьютер судит по своим критериям. Которые могут быть рациональны с его точки зрения, но не с моей.

- И какие же критерии ты можешь предложить?

- Человеческие.

- Например?

- Ты одиночка. А меня на Земле ждут жена и дети.

- И пара любовниц, я полагаю?

- Я никогда не был монахом, но я не обманываю свою жену.

- Как трогательно. И ты полагаешь, это заставит меня заплакать от умиления и выброситься в космос?

- Могу показать голограммы моих дочек. Старшей двенадцать, младшей только пять. Все три красавицы, в маму пошли... Хотя, конечно, для такого бездушного сухаря, как ты, это вряд ли что-то изменит...

- Уже показывал. И я не люблю детей. Кстати, этот твой "человеческий аргумент" можно развернуть и в обратную сторону. У тебя трое детей - твои гены в любом случае не пропадут. А мои исчезнут вместе со мной, если я не вернусь.

- Ты ведь все равно не собираешься заводить детей.

- Кто знает...

- Ты только что сказал, что их не любишь!

- В конце концов, - пожал плечами Гроган, - для того, чтобы внести свой вклад в генофонд, не обязательно растить их самому.

- Меня это тоже не заставит выпрыгнуть в космос, - заверил его МакБрайд.

Некоторое время оба молчали. Затем МакБрайд вновь поднялся, но не для того, чтобы изловить очередную еду - оттолкнувшись от пола, он поплыл в сторону переборки.

- Куда ты? - подозрительно спросил Гроган.

- В туалет, - ответил МакБрайд, хватаясь за поручень возле люка. - Нельзя? Хочешь последовать за мной и проследить, не мастерю ли я там оружие?

- Это не такая уж глупая идея, - пробурчал Гроган, однако остался на месте.

- Возможно, мне тоже не стоит оставлять тебя одного без присмотра, - откликнулся МакБрайд без тени иронии. Однако, окинув кают-компанию пристальным взглядом, он все же нырнул в открывшийся люк.

Гроган ждал несколько минут, затем, потеряв терпение, рявкнул: - Ну где ты там, черт тебя побери! - Потом добавил другим, протокольным тоном: - Общая связь. Капитан Гроган вызывает доктора МакБрайда.

- Соскучился? - округлая голова МакБрайда, щекастая и плешивая со лба, появилась в проеме люка.

- Просто действительно не хочу упускать тебя из виду.

- Симона еще даже не вынесла свой вердикт, не так ли?

- Не хочу, чтобы ты оказался у меня за спиной в тот момент, когда она его вынесет.

- Честно говоря, твое общество не доставляет мне никакого удовольствия, -

констатировал МакБрайд, снова вплывая в помещение, - но ты прав.

Некоторое время они сидели, неприязненно разглядывая друг друга. Затем МакБрайд предложил: - Раз уж мы все равно вынуждены сидеть тут и терпеть друг друга, может, хотя бы сыграем в шахматы?

- Можно, - согласился Гроган и отдал соответствующую команду голосовому интерфейсу. На поверхности стола возникла трехмерная проекция доски с фигурами. В первой партии нервничавший Гроган зевнул слона и после отчаянных попыток выправить положение вынужден был капитулировать. Во второй он собрался, сосредоточился исключительно на игре и взял реванш.

- Ну что, третью решающую? - предложил МакБрайд, давая знак виртуальной доске вновь заполниться фигурами. - А вот кстати... чем не альтернатива жребию? Почему бы нам не решить все шахматной партией? Как раз в твоём духе - победит интеллект, а не эмоции.

Несколько секунд Гроган обдумывал эту идею.

- Нет, - покачал головой он наконец. - Это уловка. Ты бы не предлагал это, если бы не был уверен в успехе. Может, ты даже специально дал мне выиграть сейчас...

- Ты так не уверен в своем превосходящем IQ? - усмехнулся МакБрайд.

- Ты надеешься, что, когда ставкой в игре станет жизнь, я снова зевну. Это не ум и не умение, это твой флегматический темперамент против моего холерического. Или же - что я сосредоточу все внимание на доске и перестану следить за твоими руками.

- Думаешь, я стану тебя душить прямо за доской?

- Может, и нет. Может, ты рассчитываешь на то, что если я проиграю, то покончу с собой, а если выиграю - ты откажешься это сделать. Тупо откажешься и все, и мы вернемся туда, откуда начали. Какие у меня гарантии, что ты выполнишь свое обязательство?

- Мы должны хоть немного доверять друг другу.

- В ситуации, когда один из нас может выжить только за счет другого? Не вижу никаких оснований.

- Совесть для тебя совсем пустой звук?

- Гуманисты вроде тебя всегда прекрасно умеют договариваться со своей совестью. "Я должен был сделать это не ради себя, а ради жены и дочурок!" Скажешь, не так? Милькович вон ради такой благородной цели вообще попытался взорвать нас всех.

МакБрайд вздохнул, не видя смысла продолжать спор.

- Что-то Симона долго возится, - сказал он наконец. - Конечно, 256 эксбибайт.. но ведь для квантового компьютера последнего поколения...

- Да, по идее она уже должна была закончить поиск, - согласился Гроган. - Симона! Ну что у тебя там?

- Я закончила анализ доступных данных, капитан Гроган, - тут же откликнулась Симона. -

К сожалению, ответ по-прежнему отрицательный.

- Что и требовалось доказать, - вздохнул Гроган, невольно напрягая мышцы при взгляде на МакБрайда.

- Но это только доступные данные! - поспешно продолжила Симона. - Как я уже сказала, часть моих данных - примерно 23% - повреждена. Но благодаря корректирующему кодированию есть надежда их восстановить. Возможно, не все - область повреждений слишком велика, но по крайней мере значительную часть. Однако восстановление потребует значительно больше времени, чем поиск в исправной базе знаний.

- Сколько? - требовательно спросил Гроган.

- Приблизительно трое суток

Оба человека взглянули друг на друга с тоской и злобой. Мысль, что им придется выносить формальную неопределенность - без всякой реальной надежды! - еще три дня, непрерывно следя друг за другом...

- Симона, я отменяю дальнейший поиск, - решительно сказал Гроган. - В любом случае это меньшая часть твоих данных, и ты ничего там не найдешь, как уже не нашла в большей. Чудес не бывает. Тут даже не высшая математика, тут простая арифметика...

- Сожалею, капитан Гроган, но я вынуждена отклонить ваш приказ, - твердо возразила Симона. - Моим высшим приоритетом является сохранение жизни людей на борту, соответственно, распоряжения, противоречащие данной задаче, не подлежат выполнению.

- Но неужели ты не понимаешь, что спасти нас обоих в принципе невозможно?!

- Я не смогу понять это до тех пор, пока не проанализирую всю потенциально доступную информацию.

Следующие трое суток стали для двоих астронавтов настоящим адом - причем адом, в который они спускались все глубже и глубже, проходя круг за кругом. Поскольку все попытки договориться "по-цивилизованному" потерпели крах, каждый днем и ночью ожидал покушения. Последний разговор о том, как можно было бы решить вопрос без насилия, состоялся у них в первый из этих трех дней. МакБрайд отметил, что есть верный способ честного жребия, не позволяющий проигравшему отказаться - две порции напитка или две инъекции, одна из которых безвредна, вторая смертельна. "Инъекции надежнее, - заметил Гроган. - Напиток можно держать во рту, не глотая, и выплюнуть, если видишь, что другой не умирает." "Не сомневаюсь, что ты бы так и поступил", - со злостью произнес МакБрайд. "Нет, - усмехнулся Гроган, - я бы упал и притворился мертвым, чтобы заставить тебя проглотить твою порцию. Но в любом случае, нам неоткуда взять яд. Все сильнодействующие препараты - в медотсеке под замком у Симоны, и она нам их точно не выдаст." "Не выдаст в ближайшие три дня", - уточнил МакБрайд. "Угу..." - задумчиво согласился Гроган и вновь метнул пристальный взгляд на оппонента. Обоим одновременно пришла в голову одна и та же мысль: когда Симона, наконец, убедится, что спасти обоих невозможно, она, видимо, согласится именно на такой вариант - коль скоро ни одного из них невозможно убедить принять смерть добровольно, это должен быть жребий с равными возможностями, не оставляющий пути назад. И тот, кто не хочет доверять свою жизнь слепому случаю с вероятностью 50/50, должен успеть решить вопрос в свою пользу до истечения этих трех дней. Причем второй, очевидно, тоже это понимает...

При этом оба понимали и то, что даже наличие свидетеля в лице Симоны не остановит потенциального убийцу. Во-первых, даже в худшем случае, с учетом всех обстоятельств, убийце грозила никак не смертная казнь - вообще давно отмененная - а максимум не столь уж длительное тюремное заключение, условия которого, как остроумно заметил МакБрайд, не так уж сильно отличались бы от условий космического полета. Во-вторых, оставалась надежда подстроить смерть другого таким образом, чтобы ее можно было выдать за несчастный случай, самоубийство или необходимую самооборону. Последний вариант, разумеется, выглядел самым легким и правдоподобным. Спровоцировать противника на нападение в тот момент, когда он не

готов, а ты - да... и если в первый день каждый из них боялся, что другой нападет, то потом уже все более хотел этого, тем паче что затянувшееся ожидание делалось все невыносимей. Хотел - и в то же время все равно боялся быть застанным врасплох...

Теперь они походили на две частицы, на которые одновременно действуют силы притяжения и отталкивания. Каждый боялся подпустить другого и боялся выпустить его из вида - так что насмешливая реплика МакБрайда насчет сопровождения до туалета вскоре перестала быть сарказмом (естественно, о том, чтобы уединиться в собственных каютах, тем более не могло быть и речи). В случае рукопашной более массивный МакБрайд мог рассчитывать на некоторое преимущество - но отнюдь не на гарантированную победу. Оружие, безусловно, не помешало бы обоим - особенно такое, которое можно спрятать и внезапно пустить в ход. Однако в тех секциях жилого отсека, которые остались герметичными и пригодными для жизни, не было ничего подходящего. Пластиковые ножи и вилки на эту роль не годились. Вся мебель была тоже сделана из сверхлегких материалов и надежно прикреплена к полу. Не было незакрепленных проводов, шнурков или поясов, годящихся на роль удавки - вся их одежда и обувь была на липучках. Никакие переносные электроприборы не потребляли и не генерировали больше 12 вольт. Имелся, правда, набор инструментов для мелкого ремонта бортовой аппаратуры, но там опять же все было маленьким и легким. Крохотную крестовую отвертку или щуп тестера теоретически можно было воткнуть в глаз, но это требовало изрядной ловкости. Оставались еще, правда, более массивные инструменты для наружного ремонта. Они вместе со скафандрами находились в шлюзе для выхода в открытый космос. Гроган попытался было добраться туда, пока МакБрайд был в туалете, но тот примчался следом, едва успев натянуть штаны, и Гроган, не успевший открыть люк и не желавший пропустить атаку сзади, вынужден был отступить.

С тех пор оба противника внимательно следили, чтобы ни один из них не приближался к этому шлюзу. На вторые сутки их взаимная паранойя дошла до того, что они вообще перестали посещать туалетную кабинку. Гроган был первым, кто предпочел справить нужду в штаны (утешая себе тем, что это давняя традиция, начало которой положил еще первый американский астронавт Алан Шепард), лишь бы не выпускать из вида противника - и МакБрайд был вынужден последовать его примеру, дабы не давать противнику преимущества.

Само собой, никто из них теперь не решался заснуть. Первые полтора суток они практически не замечали усталости благодаря былым тренировкам и адреналину, но потом переносить наваливающую сонливость становилось все сложнее. В какой-то момент МакБрайд прикинулся спящим, надеясь спровоцировать Грогана. Но тот продолжал наблюдать за врагом, не трогаясь с места, и в конце концов МакБрайд допритворился до того, что и в самом деле заснул. Проснулся он несколько минут спустя, разбуженный собственным страхом. Страх оказался не беспочвенным - капитана в кресле не было. МакБрайд крутанулся вместе с креслом, полагая, что тот подкрадывается к нему сзади - но Грогана не было и там. "В туалете? В шлюзе?" - заметались мысли в голове МакБрайда, но тут что-то заставило его взглянуть вверх.

Гроган, словно какой-нибудь вампир из старых ужастиков, нависал прямо над ним, стоя на потолке. "Что ты там делаешь?" - хрипло спросил МакБрайд. "Гуляю, - огрызнулся Гроган. - Я не обязан все время сидеть в чертовом кресле." С этими словами он демонстративно уселся на потолок - бывший для него полом - прямо над головой врага. МакБрайд, естественно, не мог этого выносить, понимая, что теперь Гроган может спикировать на него одним прыжком, и тоже вынужден был выбраться из удобного кресла и усесться на пол. Впрочем, так было легче бороться со сном...

К исходу третьих суток - показавшихся им неделями - оба были все еще живы и так ни разу и не сцепились в физической схватке, но не было, наверное, в Солнечной системе людей, ненавидевших друг друга сильнее, чем эти двое. Быть может, сразу после катастрофы они еще могли согласиться на честный жребий - или суд Симоны - и принять его результат, каким бы он

ни был, но за эти три дня в мысли "я умру, а *он* останется жить!" вторая часть сделалась для обоих еще более невыносимой, чем первая.

Измученные тремя сутками без сна, теперь они время от времени все же отключались - но тут же просыпались, еще до того, как противник успевал заметить их оплошность. Порою ее не замечал даже сам заснувший. В какой-то момент МакБрайд даже не заснул, а просто тупо вырубился, продолжая стоять с открытыми глазами, но больше не воспринимая происходящее. Гроган, поняв это, обошел вокруг него по стене, оттолкнулся обеими ногами, пролетел по воздуху, схватил сзади за горло и принялся душить...

Но на самом деле все это происходило лишь в его сне. Тем не менее, его нога дернулась с достаточной силой, чтобы преодолеть микрогравитацию и отправить спящее тело в медленный полет через кают-компанию. Минуту спустя голова Грогана мягко ткнулась в плечо МакБрайда.

Тот мигом очнулся, истерично взвизгнул и, вместо того чтобы вцепиться в беспомощного врага, рефлекторно оттолкнул его от себя обеими руками. Гроган, кувыркаясь, полетел обратно и плашмя ударился о стену. МакБрайд тем временем тоже отлетел назад, стукнулся о стол, перевернулся в воздухе, поймал стол уже сознательно и оттолкнулся от него в сторону переборки.

- Далеко собрался? - крикнул сзади Гроган.

- В шлюз! - огрызнулся МакБрайд, проталкивая свое тело в люк.

- Стой!

- А ты попытайся меня остановить, если хочешь, - и он скрылся в проеме.

Но Гроган, лежавший на стене, не тронулся с места - даже когда услышал, как открывается и закрывается люк шлюза. У него созрела новая идея.

- Симона! - крикнул он.

- Да, капитан Гроган.

- Твой главный приоритет - спасение жизни членов экипажа, так?

- Да.

- В таком случае, я как капитан исключаю доктора МакБрайда из состава экипажа. За нападение на капитана и нарушение субординации. А теперь, в силу приоритетности моего спасения..

Но прежде, чем он успел закончить: ".. открой внешний люк шлюза", Симона перебила его:

- Вы не полномочны исключать кого-либо из состава экипажа во время полета, капитан Гроган. Вы можете лишь отстранить его от исполнения обязанностей, а это не то же самое. Кроме того, мой приоритет распространяется на жизни всех людей на борту, будь то члены экипажа, пассажиры или иные лица. Я не оговаривала это лишь в силу отсутствия таких лиц в данном полете, однако эта информация есть в моей документации.

- Ч-черт! - Гроган всеми конечностями оттолкнулся от стены.

Он настиг МакБрайда как раз в тот момент, когда тот выходил из шлюза с лазерным резаком в руках. МакБрайд вскинул свое оружие и нажал на кнопку, целя Грогану в грудь. Тот выбил у него резак (легко выскользнувший из потной руки и закрутившийся в воздухе), а затем сбил врага с ног ударом в челюсть.

- Эта штука работает только в вакууме, идиот! - прорычал он и попытался поймать уплывающий прочь резак, который благодаря своей массе все-таки мог сойти за оружие. Но МакБрайд обхватил противника ногами и дернул на себя. Враги вцепились друг в друга и забарахтались на полу (точнее, на том, что можно было назвать полом при такой силе тяжести). МакБрайд оказался сверху и обеими руками стиснул горло Грогана. Тот, не пытаясь оторвать его пальцы, просунул свою руку вниз, между ног врага, и крепко сжал. МакБрайд заорал, но не выпустил Грогана.

- Капитан Гроган! Доктор МакБрайд! Остановитесь! - взывала Симона, но оба не

обращали на нее внимания.

- Прекратите это! Я НАШЛА РЕШЕНИЕ!

Враги замерли, невольно ослабляя каждый свою хватку, но все еще не выпуская друг друга.

- Это правда? - недоверчиво спросил МакБрайд, тяжело дыша. - Это не уловка, чтобы остановить нас?

- Симона не способна лгать, - прохрипел Гроган.

- Есть способ спасти жизнь вам обоим, - подтвердила Симона. - Если бы не повреждение данных, я бы нашла его сразу. К сожалению, мы потеряли лишние три дня, и вы так нерационально расходовали кислород - но его все еще должно хватить, хотя и, как говорится, впритык.

Враги, наконец, отстранились друг от друга и неуклюже поднялись с пола, стараясь не взлететь.

- Так что за способ? - требовательно спросил Гроган.

- Прошу вас проследовать в медотсек, и я все вам объясню.

Астронавты окинули друг друга оценивающими взглядами, одновременно ощупывая собственные повреждения.

- Разбитая губа и несколько синяков - не думаю, что нам нужна медицинская помощь, - проворчал Гроган. - Хотя, конечно, даже такие раны обработать не помешает... Ладно, - неприязненно покосившись на МакБрайда, но, видимо, решив, что теперь уже можно не бояться нападения со спины, он направился к люку.

МакБрайд, однако, не двинулся с места.

- Симона, объясни сперва, что ты задумала, - потребовал он.

- Пожалуйста, пройдите в медотсек, доктор МакБрайд. Мы теряем время и кислород.

- Я не двинусь с места, пока ты не объяснишь!

Гроган, слыша эти слова, тоже остановился на полпути.

- Да, Симона. Синяки подождут... если дело в них.

- Не в них, - признала не способная врать Симона. - Речь о процедуре, известной еще с 30-х годов прошлого века. Правда, тогдашний уровень технологий не позволял обеспечить длительное выживание пациентов, но на современном уровне и при имеющемся на борту оборудовании я оцениваю вероятность успеха более чем в 90%. Дать более точную оценку не позволяет отсутствие статистики, поскольку, насколько мне известно, данная процедура еще никогда не проводилась на людях...

Она продолжала объяснять. МакБрайд опомнился первым.

- Нет!!! - завопил он. - Гроган, я согласен, я выпрыгну в открытый космос! Что угодно, только не это!

Он бросился обратно к шлюзу. В тот же момент вращение корабля прекратилось.

МакБрайд ударился о закрытый люк, отлетел назад и вверх и беспомощно затрепыхался, суча руками и ногами в невесомости. Симона развернула корабль так, чтобы не оставить ему шансов добраться ни до какой из стен.

- Симона! - голос Грогана, также внезапно зависшего в воздухе перед распахнутым, словно зев, люком медотсека, прозвучал почти что жалобно. - Ты слышала, он сам согласился выпрыгнуть! Просто позволь ему...

- Я обязана сохранить жизнь вам обоим, - в голосе Симоны впервые прозвучал металл. - Все прочее имеет более низкий приоритет. Пожалуйста, успокойтесь и не пытайтесь помешать мне вас спасти. Вы тратите кислород.

Она снова дала короткий, точно рассчитанный импульс маневровым двигателям, перемещая корабль относительно висящих в пустоте людей. Это походило на старинную игрушку, где нужно, наклоняя коробку, заставить шарик прокатиться по заданному маршруту в

лунку. Не успевший опомниться Гроган проскользнул в люк медотсека. МакБрайд, летевший следом за ним, ухватился обеими руками за края проема. В тот же миг на полную мощность заработали насосы, откачивающие воздух из медотсека. Мощный ветер, вызванный перепадом давления, потянул МакБрайда внутрь.

- Оставь меня в покое, проклятая железяка! - прокричал он, цепляясь из последних сил.

- Это для вашего блага, доктор МакБрайд, - строго сказала Симона. - Кстати, в моей конструкции практически не использовано железо. В вашем теле его больше, чем в моем. Именно железо, входящее в состав гемоглобина, жизненно важно для снабжения вашего организма кислородом, поэтому "железяками" корректнее было бы называть людей.

Это было последнее, что он услышал, прежде чем декомпрессия лишила его сознания. Его пальцы разжались, и он полетел внутрь, туда, где манипуляторы хирургического автомата уже деловито срезали одежду с Грогана.

143 дня спустя

- Добро пожаловать на борт. Пожалуйста, оставайтесь в скафандрах, - прозвучал в шлемах спасателей мягкий женский голос. - Воздух внутри корабля все еще пригоден для дыхания, но его качество ниже нормы.

Люк стыковочного тамбура отъехал в сторону. За ним была полная темнота, словно корабль был давно мертв.

- На борту все еще есть живые? - сразу же уточнил командир спасателей. Он, конечно, уже знал, что говорит с бортовым компьютером. Первый сеанс связи состоялся еще до стыковки, но качество сигнала с поврежденного корабля было плохим, и спасатели не были уверены, что все поняли правильно. Вроде бы двое членов команды благополучно пережили взрыв, и единственной проблемой была нехватка кислорода...

- Да, капитан Гроган и доктор МакБрайд, - подтвердила Симона. - Они находятся в медотсеке. К сожалению, как я уже докладывала, у меня не было возможности спасти доктора Мильковича.

- А освещение? Ты можешь включить свет?

- Да, конечно, - в помещении за стыковочным узлом вспыхнул свет. - Просто в последние 143 дня в этом не было необходимости.

Три фигуры в скафандрах одна за другой протиснулись в люк и поплыли через секции дрейфующего в невесомости корабля к медотсеку.

Симона открыла перед ними последний люк. За ним все еще было темно.

- Я уже израсходовала запас транквилизаторов, - пояснила Симона, - а темнота оказывает расслабляющий и усыпляющий эффект, тем самым снижая потребление кислорода. В настоящий момент капитан Гроган спит.

- Ничего, - усмехнулся командир спасателей, - теперь кислород уже не проблема, и, я думаю, он будет рад увидеть, кто его разбудил.

Симона послушно включила свет в медотсеке, и спасатели увидели, *что* находилось внутри.

У командира вырвалось нечленораздельное восклицание. Второй застыл в шоке, не веря своим глазам. Третьего, совсем молодого парнишку (это была его первая миссия), вырвало прямо в гермошлем - что вообще-то опасно для жизни, особенно в невесомости, но конструкторы скафандра предусмотрели такую возможность, и в шлеме сразу же заработала система очистки. Однако парень, все лицо которого залепило собственной блевотиной, запаниковал, забыл, чему его учили, и поспешно сорвал с себя шлем. Вместе с кислым запахом рвоты его ноздри вдохнули тяжелый, затхлый и смрадный воздух корабля.

Но его старшие товарищи даже не обратили внимания на его оплошность - они все еще пялились на висевшую в невесомости прямо посреди медотсека обнаженную фигуру, которую

вернее всего было бы назвать куском человека. Это была голова и туловище. Все конечности, и даже гениталии, были ампутированы. Длинные шрамы на животе и груди свидетельствовали и о других операциях. С разных сторон в тело входило несколько так же свободно висящих в невесомости длинных гибких трубок - две в низ живота, одна в горло через рот, одна в культю, оставшуюся от правой руки. Глаза головы были закрыты, но несчастный, очевидно, был жив - можно было заметить движение живота в такт дыханию.

- Как-кого... - выдавил из себя командир спасателей, узнавший Грогана. - Ты же говорила - единственной проблемой был дефицит кислорода?!

- Да, - невозмутимо подтвердила Симона. - Я удалила все внешние и внутренние органы, не являющиеся жизненно необходимыми, чтобы максимально сократить его потребление. Я также выбрала тело капитана Грогана как имевшее меньшую массу и, соответственно, также меньшее потреблявшее кислород. Все эти меры позволили поддерживать жизнь членов экипажа до вашего прибытия. Я не фиксировала тело на койке, ибо в условиях невесомости естественная вентиляция наилучшим образом предотвращает опрелости и иные проблемы с кожей, однако пациенты жизнеспособны и в условиях гравитации и переживут транспортировку на спасательном корабле.

- А где МакБрайд? - спросил командир. Он не думал, что сам захотел бы выжить такой ценой, но понимал, что бессмысленно обвинять машину. В конце концов, и врачи-люди без колебаний идут на ампутации, когда это единственный способ спасти жизнь... Однако в залитом светом медотсеке нигде не было видно второго пациента, хотя бы даже и столь же страшно изувеченного. - Что ты сделала с ним - то же самое?

- Перед вами, - Симона, как всегда, отвечала на вопросы в той же последовательности, в которой они поступили. - Нет, в этом случае кислорода не хватило бы на двоих. Я...

- Но это же Гроган! - перебил командир, не слушая. - Я прекрасно его знаю!

В систему корабля тем временем начал поступать свежий воздух, и вентиляторы взвыли на полную мощность, спеша очистить атмосферу от прежней дряни и заодно от плывущих в ней капель блевотины. Воздушный поток начал поворачивать висящее в пустоте, словно распятое на извилистых шлангах тело. Веки Грогана дрогнули, и мутный взгляд, мазнув по фигурам в скафандрах, уперся в лицо командира. Говорить Гроган не мог из-за трубки в горле, однако застонал, и обрубок его тела задергался, не то пытаясь остановить вращение, не то ускорить его. Так или иначе, он продолжал поворачиваться, и через несколько секунд спасатели увидели его спину - и то, что в первый миг показалось им какой-то страшной, чудовищной опухолью, растущей из этой спины.

Но это была голова. Голова МакБрайда. Говорить он так же не мог - то, что осталось от его горла, упиралось в мясной тупик. Его голова не имела никакой связи ни с легкими, ни с пищеводом, ни с нервной системой Грогана. Только с его кровеносной системой, продолжавшей питать мозг кислородом.

- На мозг приходится примерно 20% от общего потребления кислорода человеческим организмом, - продолжала спокойно объяснять Симона. - Таким образом, исключив остальные 80, мне удалось сохранить жизнь обоим членам экипажа, - закончила она тоном примерной девочки, ожидающей похвалы.

В отличие от только что проснувшегося Грогана, МакБрайд не спал уже много часов... может быть, дней. Он не мог даже заставить проклятого Грогана дышать активнее. Все, что он мог - это не спать самому, заставляя свой мозг работать и жечь кислород в надежде на то, что они все-таки задохнутся еще до прибытия спасателей. Но и этой надежде не суждено было сбыться. Теперь его глаза, полные бесконечной муки, тоски и ужаса, обводили фигуры в скафандрах. Он знал, что эвтания запрещена и что страховка астронавта гарантирует пожизненное содержание в случае любых увечий, полученных на службе...

- Сэр, - робко подал голос мальчишка, обращаясь к своему командиру, - я думаю, нам

было бы лучше... ну это...

- Хочешь сесть за двойное убийство? - рявкнул тот. - Мы должны доставить *это* на Землю живым и... - он проглотил слово "невредимым". - И компьютер тоже, он стоит кучу денег - если успеем его демонтировать, пока эту лоханку не унесло обратно во внешний космос. Впрочем, - командир недобро усмехнулся, - это уже во вторую очередь, так что можем и не успеть...

- Конечно, сэр, - спокойно согласилась Симона. - Человеческая жизнь - наивысший приоритет.

2019